

Новая Польша 12/2005

0: В ПЕРЕВЕРНУТЫЙ БИНОКЛЬ

— Пан профессор, вы смотрите на Польшу издалека, из Оксфорда. И что вы видите?

— Я действительно смотрю издалека, в перевернутый бинокль, но стараюсь знать, что происходит. Ну и есть у меня свои симпатии и антипатии. Если говорить о картине польской политики, то я воистину удовлетворен. Во всех известных мне таблицах профессионального престижа политики стоят на последнем месте — это свидетельствует о здравом рассудке народа. Правда, в разных политических партиях — в разных, но не во всех — встречаются цивилизованные люди, да только в последние годы их как-то почти не было видно. Зато на виду другие.

— Другие, то есть какие?

— Какой-то безграмотный крикун [вероятнее все-го, автор имеет в виду лидера «Самообороны» Анджея Леппера], который неустанно клеветает на людей. Он же обещает нам, что как придет к власти, то у всех будут деньги, потому что, видите ли, у президента Польского национального банка полно в ящике денег, которых тот не дает людям, зато когда он, крикун, придет к власти, то раздаст их нам, и мы разбогатеем. Есть и надутый молокосос [по всей видимости, лидер «Лиги польских семей» Роман Гертых], строящий рожи инквизитора и неустанно угрожающий разным людям, что подаст на них в суд. Он обещает, что будет править Польшей, папашу назначит президентом, а себя — премьером, но, увы, из этого ничего не выйдет, потому что этого не допустит масонско-жидовско-либерально-коммунистическая мафия. Я уж не говорю о пээнэровских плутишках, которые считали, и не без оснований, что раз они прицепились к правящей партии, то могут безнаказанно делать что хотят. Читал я и такое, что какие-то партии [«Самооборона»] требуют от своих кандидатов в Сейм, чтобы они заранее подписали обязательство, в силу которого лишатся депутатского места, если уйдут из своей парламентской фракции. Мне кажется, подписать такое заявление — все равно что сообщить: а у меня ни чести, ни совести. Это, конечно, не мое дело, пусть себе подписывают. Но это деталь, позволяющая понять польские политические нравы. Зато мне нравится инициатива архиепископа Юзефа Жицинского, который предложил созвать круг достойных, пользующихся всеобщим уважением людей, не имеющих никаких партийных обязательств, чтобы они обсуждали и оценивали этическую сторону разных мер, предпринимаемых в политике и люстрации.

— Вы не обнаружили в предвыборной кампании никаких положительных лозунгов?

— От многих партий мы слышим, что они нам всё устроят, что у них есть рецепт оздоровления страны. Часто раздается лозунг нравственной революции. Не знаю точно, что это значит, но предполагаю, что те, кто пользуется этим лозунгом, знают путь к тому, чтобы люди стали благородны, чтобы исчезли коррупция, воровство, взяточничество, оскорбления. Не знаю, каков этот путь, потому что не знаю деталей этого плана, но против таких намерений трудно возражать. Однако нравственная революция, если она возможна, может быть только делом великого религиозного пророка: ни один политик и ни одно политическое учреждение не может внезапно изменить человеческое поведение, мышление и нравственные мотивировки.

— Но политическую систему или методы деятельности государственных и политических учреждений изменить легче. К этому-то и относятся требования сторонников нравственной революции. Разве политическая система в Польше не нуждается ни в каких серьезных изменениях?

— Конституция не может вызвать нравственную революцию.. А если речь идет попросту о том, чтобы успешней бороться с коррупцией, то на это есть способы проще, чем радикальное изменение конституции. Революция — это перемена, которую совершает массовое движение, перечеркивающее легитимность строя — иногда кроваво, а иногда бескровно, как «Солидарность». Перемену, которая наступила в Польше благодаря «Солидарности», можно назвать революцией, хотя произошла она мирным путем и без применения насилия. Этой революции предшествовало движение демократической оппозиции 70 х гг., в особенности КОР [Комитет защиты рабочих], но еще и массовое изменение образа мыслей и человеческих мотивировок, а это нельзя вызвать искусственно.

— Иногда вместо нравственной революции говорят о Четвертой Речи Посполитой. Как вы относитесь к этому термину?

— Я не очень-то знаю, что он значит, поэтому не могу высказаться. Генерал де Голль, придя к власти, ввел конституционные изменения, установив президентский строй. Это была существенная перемена, и с тех пор Францию называют V Республикой. Не знаю, произойдет ли что-нибудь аналогичное в Польше и применимо ли тут название Четвертая Речь Посполитая. Однако в этом лозунге подспудно содержится мысль, что последние 15 лет оказались растрчены попусту или что стало еще хуже.

Любая революция на следующий день после победы вызывает разочарование. Иначе и быть не может, ибо всякая революция, чтобы быть успешной, неизбежно опирается на нереальные надежды, на требования, не поддающиеся проведению в жизнь, и фантастические иллюзии. И всякая кончается горьким разочарованием. Это не значит, что она неудачна, хотя в обществе она вызывает всяческие огорчения и недовольство. Нету ведь такого, что Польша становится все беднее, — такая ее картина совершенно не соответствует правде, о чем недавно убедительно писал Вальдемар Кучинский. Есть, как мы знаем, большая безработица. Но и это недостаточная причина для того, чтобы утверждать, что в течение этих 15 лет наступила деградация, хотя пришли огорчительные перемены, неизбежные при переходе от диктатуры к демократии и от командной экономики к рынку. Свобода влечет за собой различные неприятные затраты.

— **Надо, видимо, уметь отличать неизбежную плату за свободу от балласта, от которого лучше бы избавиться. Откуда берется такое низкое качество польской политики?**

— Сам переход к демократическому строю порождает огромное разочарование и огромные, не поддающиеся удовлетворению амбиции. Жажда власти — дело нормальное, но демократические системы отправления власти могут обуздать ее хамские проявления. Надеюсь, что и в Польше это публичное хамство, которому мы все свидетели, будет как-то укрощено, так как в нормальных условиях у людей нет желания выдвигать во власть безграмотных хамов, хотя в особых обстоятельствах это и возможно.

— **Может быть, генезис того, что вы называете хамством в политике, уходит корнями в наследие коммунизма? Недаром коммунизм опирался на ложь.**

— Это была иная ложь. Да, ложь — это не просто одно из орудий коммунизма, но его фундамент или краеугольный камень. Без лжи коммунизму пришлось бы рухнуть — что в конце концов и случилось. Помню, как в Москве за несколько месяцев до падения Горбачева я заметил, что гласность стала реальной: все говорят то, что думают, страх исчез. В таких условиях коммунизм не мог продолжаться. Горбачев, разумеется, не собирался разрушить коммунизм — наоборот, он хотел его улучшить, сделать более цивилизованным и конкурентоспособным, но, желая реформировать, он его уничтожил. Горбачев понял, что если он хочет модернизировать страну, нужен свободный обмен информацией. Но этого коммунистический строй выдержать не мог. Другой очень важной причиной падения коммунизма было разложение идеологии. Всякий режим нуждается в легитимности. Ее могут давать выборы либо наследование монаршей благодати. Легитимность коммунизму давала идеология, так что она обязана была существовать и тогда, когда никто в нее не верил: ни правители, ни подданные.

— **Чтобы она выполняла эту роль, необязательно было в нее верить?**

— Нет, совсем необязательно. Но она не могла давать легитимность без конца. В Польше еще с 60-х идеология начала исчезать. Разумеется, существовал аппарат власти, аппарат привилегий, путь карьеры, но уже не было коммунистов кроме горстки идейных и неумных активистов. Идеология поставляла горстку слоганов, использовавшихся по торжественным случаям или при нападках на оппозицию.

Падению коммунистического строя способствовала и имманентная бездарность режима, который терял конкурентную силу в мире. Но распад идеологии я считаю самым главным фактором, ибо без идеологии коммунистическая система существовать не может.

— **Но все-таки распад не произошел сам собой?**

— Нет, не сам собой. Нет особого смысла высчитывать в процентах, кто внес какую долю вклада в победу над коммунизмом, как это делает Лех Валенса. Но несомненно, что и сам Валенса, и «Солидарность», и Иоанн Павел II, и Горбачев — все сыграли свою роль. Во всей этой истории было бесчисленное множество случайностей. Уволили одну работницу с Гданьской судовой верфи, и это мобилизовало нескольких ее товарищей на ее защиту. И вдруг родилась «Солидарность».

— **Вы считаете, что «Солидарность» была исторической случайностью?**

— Разумеется, должны были сложиться условия, сделавшие эту случайность возможной. Должна была возникнуть готовность польских рабочих сопротивляться власти и готовность интеллигентов помогать, должны были возникнуть традиции недавней оппозиции. Благодаря этому движение «Солидарности» выросло в то, во что оно выросло, — в инструмент, с помощью которого коммунизм рухнул, хотя программы такой и не было. Кто еще в 80-е годы в Польше, кроме Стефана Киселевского, говорил о возврате к капитализму?

— **Уж, конечно, не вожди «Солидарности»...**

— Уж, конечно, нет.

— **Еще в 1989 году, во время переговоров «круглого стола», не было программы быстрого возвращения к свободному рынку. Может быть, нам не следует удивляться, глядя на рабочих и других разочарованных — тех, кого радикальные перемены в экономике захватили врасплох?**

— Вероятно. У свободного рынка есть свои тяжелые стороны. Но ликвидация свободного рынка — куда большее несчастье. Быть может, некоторые люди верят, что свободный рынок сам справится со всеми социальными вопросами. Если они так считают, то они неумны. Нельзя положиться на рынок, который должен действовать автоматически. Даже Адам Смит, говоря о «невидимой руке рынка», провозглашал совсем не то. В Польше политические перемены проходили эволюционным путем, и некоторых это провоцирует на глупую болтовню о том, что-де за «круглым столом» были заключены секретные соглашения, в результате которых партия согласилась отдать власть взамен за какие-то привилегии. Между тем мы знаем, что власть она тогда не отдала.

— **Это верно. Но заключенный за «круглым столом» компромисс с коммунистами тяжким грузом повис на польской демократии, которая не сумела справиться с коммунистическим прошлым. Без ясного ответа остается вопрос, должен ли человек, который был чиновником коммунистического государства, стыдиться своего прошлого. Компрометирует ли это? Может ли он занимать любые публичные посты в независимой Польше?**

— Наверняка должен стыдиться, но это не политическая категория.

— **Важно ли при демократии прошлое политиков? Имеют ли право граждане знать об этом прошлом?**

— Да, они имеют право об этом знать. Нормально, что мы хотим знать, кто кем был. Но это не означает, что человек, у которого в прошлом какие-то грехи, должен быть автоматически лишен стремления занять тот или иной пост. Речь идет о том, чтобы его прошлое было предано огласке.

Поэтому я стою за ныне существующую форму люстрации, которая касается лиц, желающих быть избранными или назначенными на определенные государственные и общественные должности. Но я против того, чтобы сделать достоянием гласности все габэшные материалы. Оглашение всего, что габуха писала, создало бы ад обвинений и оскорблений. Если же кто-то утверждает, что габэшным досье следует безоговорочно доверять, то он предлагает нам новую эпистемологию, новый критерий истины: истина есть то, что скажет габэшник. Пожалуй, это несколько рискованная теория.

— **Чем польская демократия отличается от британской, которую вы знаете лучше всего? Верно ли, что в Великобритании текущая политика оказывает гораздо меньшее влияние на функционирование государства и государственных учреждений?**

— Просто функционирует разделение властей: исполнительная, законодательная и судебная власти независимы друг от друга. Существует также вполне сложившийся класс «civil servants» — чиновников гражданской службы, независимых от политических партий, не сменяющихся в результате выборов и составляющих стержень государства. Этого в Польше по-прежнему нет, хотя много лет говорится о создании такой службы. Необычайно важно, чтобы основная структура государства была независима от политических партий. Этому мы можем учиться у англичан. Благодаря этому политикам у власти не приходится назначать родных и знакомых на разные важные должности.

— **Есть, по-видимому, еще одна вещь, которой стоит у них учиться: принцип власти закона, без которой не только демократия, но и капитализм увечны...**

— Капитализм сам по себе не обеспечивает ни власти закона, ни демократии. Власть закона — там, где отдельный гражданин может выиграть в суде дело против государства. Сегодня капитализм есть и в Китае, где по-прежнему продолжается идеологический деспотизм, где нет ни власти закона, ни гражданских свобод. Один

свободный рынок не обеспечит власти закона и демократии, хотя он их необходимое условие. Необходимое, но недостаточное. В Польше власть закона по-прежнему хромает. Может ли она излечиться? Я верю, что может. Там, где есть свобода слова, свобода критики, можно исправлять грубые злоупотребления законностью. Верю, что это возможно, и думаю, что с этой точки зрения Польша стоит на верном пути.

— От Западной Европы Польша отличается повсеместностью и живым характером религиозной веры, которая у нас остается массовой. Лучше всего это было видно, когда умирал Иоанн Павел II, но и каждое воскресенье костелы в Польше полны. Что это — признак нашей отсталости или наша положительная специфика?

— Все мы знаем, каковы исторические причины сильнейшего участия религии в национальном сознании. Признак ли это нашей отсталости? Нет. Во всем мире мы наблюдаем сегодня различные проявления возвращения к религии. Секуляризация распространилась в Западной Европе, но не в США — стране, которая стоит во главе всего технического прогресса. Нет никакой очевидной зависимости между техническим прогрессом и секуляризацией. Религиозные перемены приобретают в мире разные формы — например, развитие самых разнообразных сект в США и Южной Америке. Другой вопрос — нашествие ислама в европейские страны в результате иммиграции.

— А как вы относитесь к тому, что можно назвать дехристианизацией Европы, т.е. к исчезающему значению веры в жизни современных обществ? Может быть, для будущего Европы это процесс негативный?

— И позитивный, и негативный. Думаю, что человеческая потребность веры в такой порядок, который выходит за рамки наших технических возможностей, который не мы создаем, т.е. в какой-то божественный порядок, — это нормальная потребность. Ее не уничтожишь. Если т.н. секуляризация вела бы к забвению того, что существует нечто выходящее за рамки научно-технического прогресса, такая цивилизация шла бы к краху. Надеюсь, что этого все-таки не произойдет. Я, конечно, противник религиозного принуждения, обязанности исповедовать или не исповедовать ту или иную религию; я хотел бы, чтобы в государственных школах не было уроков религии, хотя несчастьем этого не считаю; я хочу, чтобы все государственные инстанции были секулярными. Тем не менее крушение веры, на мой взгляд, стало бы крахом цивилизации.

— Вы уже давно предвещали закат идеологий XX века, утверждая, что и социализм, и либерализм, и консерватизм можно объединить в одно непротиворечивое множество чаяний или требований. Похоже, что именно это сейчас и осуществляется.

— Вы, наверное, вспомнили мой коротенький текст «Как быть консервативно-либеральным социалистом». В некотором смысле он был шуткой, но не только — он был также исповеданием неверия в великие идеологии, которые так долго правили нами. Разумеется, закат идеологий — не моя идея, она провозглашалась уже давно. Что мы под этим понимаем? Это не закат всякой веры, всех нравственных или политических принципов, а скорее закат всеобъемлющих доктрин, которые обещают нам решить все людские дела, обладают лекарством от всего — так же, как некоторые польские политики. Идеология, которая представляет себя в качестве универсального лекарства от всех человеческих забот и нужд, — это наверняка обман. Уже давно было сделано открытие, что не существует достаточных холистических социальных методов — кроме тех, которые проводят в жизнь тоталитарное принуждение.

— Значит, либерализм, социализм и консерватизм больше не будут критериями политических подразделений?

— Нет, не будут. Консерватизм — это вовсе не политическая доктрина. Существует приверженность традициям — дело нужное, и говорить, что всякая приверженность традициям консервативна в негативном смысле слова, — это чепуха. Прочитирую здесь сам себя: если бы люди неустанно не бунтовали против традиций, говорят нам, то мы до сих пор жили бы в пещере. Да, но если бы противостояние традициям стало глобальным, мы бы снова вернулись в пещеру. Либерализм, в свою очередь, сам по себе отнюдь не философия. Настолько, насколько он представляет собой апологию свободного рынка, он хорошо оправдан, ибо его противоположность — ГУЛАГ. Но вера в то, что свободный рынок все за нас устроит, действительно весьма неумна. А социализм — это вообще неизвестно что такое. Я хотел бы, чтобы те, кто и сегодня твердит, что исповедует социалистическую веру, разъяснили, о чем идет речь.

— Возможно, для них речь идет о социальной справедливости.

— Но что значит социальная справедливость? Чем отличается социальная справедливость от того, что в целом охватывается правовым государством, гражданскими свободами, свободой слова и различными учреждениями государства-опекуна, способными обеспечить людям минимум достойной жизни?

— **В лозунге социальной справедливости речь идет, по-видимому, о том, чтобы у одних не было больше, чем у других...**

— То есть чтобы царило равенство. Полное равенство возможно лишь с помощью тоталитарных средств, и тогда, разумеется, оно само себе противоречит, ибо тоталитаризм не может обеспечить равенство. Кроме материальных привилегий, которые обеспечивает себе тоталитарная власть, существует неравенство в благах, сегодня очень высоко ценимых: в доступе к информации и к участию во власти. Таким образом, полное равенство — внутренне противоречивый лозунг. Гражданское же равенство, пожалуй, повсеместно принято в цивилизованном мире или, скорее, составляет критерий, определяющий, что такое цивилизованный мир. По этому критерию мы близки к цивилизованному миру. А чересчур ли оптимистична или чересчур пессимистична эта оценка, пусть судят другие.

Беседу вел Ян Скужинский

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Новоизбранный президент Лех Качинский: «Не думаю, что я популист или националист. С национализмом меня ничто не связывает. Я патриот. Если я и чувствую связь с какой-то политической традицией, то это традиция государственников (...) Я за то, чтобы Европа была тесным союзом сильных государств (...) К сверхгосударству мы не готовы. Европа стоит перед вызовом глобальной конкуренции, однако передача власти Брюсселю, в результате чего у этой власти была бы слабая демократическая легитимизация, — не выход (...) Я считаю, что внешняя политика — важный элемент государственного суверенитета, а суверенитет имеет для меня огромное значение. С другой стороны, во внешней политике необходимо проводить множество совместных мероприятий — таких, которые будут в интересах всех и не нарушат ничьих интересов (...) Будучи соседями, Польша и Россия должны решить множество важных вопросов. Растут польские инвестиции в России, развиваются торговые отношения между нашими странами. Введение Евросоюзом виз для российских граждан — не наша идея. Мы будем поддерживать все инициативы, облегчающие передвижение между нашими странами. Надеюсь, чаяния большинства российского общества сбудутся, и Российская Федерация станет полноправным членом европейской семьи (...) В интервью российскому телевидению я сказал, что хочу договориться, не отказываясь при этом от жизненных интересов Польши (...) Я охотно приму в Варшаве президента Путина. А потом с удовольствием съезжу [в Москву] (...) На выборах победила команда во главе с Ярославом [Качинским], а я буду президентом (...) Качинские хотели бы оставить Польшу хорошо функционирующим государством, с чьим мнением в Европе считаются». *(Из интервью, опубликованных в «Политике» 29 окт. и в журнале «Ньюсуик-Польша» 6 ноября)*

• «В конечном итоге Дональд Туск был обречен на поражение. Лех Качинский просто-напросто лучше подходит к такой Польше, какая она есть, — со всеми ее страхами перед утратой социальной безопасности, настороженным отношением к модернизации и приватизации, уверенностью во всеохватной коррупции, страхом перед чужаками и постоянной необходимостью улучшать свое самочувствие, вспоминая историю, восстания, великие взлеты и поражения (...) У Ярослава Качинского и его партии на руках все козыри. В Сейме это самая большая парламентская фракция, которая может заключать коалиции как с «Гражданской платформой» (о чем было давно объявлено), так и с «Самообороной» и аграрной партией ПСЛ (...) В Сенате перевес «Права и справедливости» (ПиС) настолько велик, что она может ни на кого не оглядываться. Кроме того, у ПиС есть собственный президент (...) Одним словом, ПиС может совершенно самостоятельно сделать всё, кроме изменения конституции. С другой стороны, двойная победа возлагает на эту партию обязанность выполнить хотя бы часть особенно емких обещаний (...) Попытка выполнить их будет означать развал государственных финансов, а пренебрежение ими — развал пришедшего к власти формирования (...) Однако мы знаем (...) что Лех и Ярослав Качинские не принадлежат к числу безответственных политиков: у них очень развито государственное чувство, они привержены определенным ценностям и умеют быть прагматичными». *(Янина Парадовская, «Политика», 29 окт.)*

• ««Гражданская платформа» и «Право и справедливость» — это два разных представления о государстве (...) Обе партии разделяет, во-первых, их отношение к прошлому. Для ПиС история — один из самых существенных элементов программы (...) основа исторической политики, которая должна поддерживать общественное самосознание и быть орудием внешней политики. Между тем в программе ГП ссылки на историю отсутствуют (...) это программа, устремленная вперед, в будущее (...) Отличает их и отношение к государству и его роли в

жизни общества. ГП считает, что государство должно быть сильным, но лишь в сфере переданных ему полномочий (таких, как администрация, безопасность, законодательство). При этом оно не должно вмешиваться в те области, где его присутствие бесполезно или даже пагубно (...) В программе ПиС критическая оценка состояния государства соседствует с глубокой убежденностью в его всемогуществе. Этим можно объяснить программное вмешательство государства в экономику, здравоохранение и строительство или желание сохранить контроль над некоторыми государственными предприятиями (...) Наконец, партии отличаются друг от друга отношением к понятию справедливости и методами его применения в политике. Нет смысла искать это понятие (...) в программных документах ГП (...) ПиС, у которого слово «справедливость» появляется уже в названии, ссылается на него часто, причем не только в юридическом, но и (еще чаще) в социальном контексте (несправедливый плоский налог, несправедливое отсутствие семейных льгот в налоговой системе, справедливое использование экономического роста и т.д.). *(Дамиан Кальбарчик, «Тыгодник повшехный», 23 окт.)*

- Проф. Ян Винецкий: «Польская политическая сцена четко разделилась на два порядочных лагеря. Я говорю «порядочных», потому что они наконец-то выражают интересы больших общественных групп. До сих пор многие из нас голосовали не «за», а «против» — например, против экс-коммунистов (...) или, наоборот, против профсоюзной клики из [нынешней] «Солидарности» (...) Сегодня, впервые за все время польских общественно-политических преобразований, в нашей стране сложилась ясная ситуация. С одной стороны оказались сторонники Польши вымогательско-паразитической, простирающейся от «Права и справедливости» до «Лиги польских семей», ПСЛ и «Самообороны» (...) С другой — сторонники Польши либеральной, рыночной, т.е. такой, в которой государство не отпугивает самых способных и трудолюбивых от обогащения, а они в свою очередь тянут вверх всех остальных — по крайней мере тех, кто хочет предпринять хоть какие-то усилия в этом направлении». *(«Впрост», 6 ноября)*

- Братья Качинские могут рассчитывать на мощную поддержку со стороны продолжающего требовать привилегий профсоюза [«Солидарность»], однако у них есть и обязательства по отношению к нему, которые они взяли на себя во время предвыборной кампании. К сожалению, этих обязательств гораздо больше, а самые опасные обещания были даны Анджею Лепперу и [директору радио «Мария»] о. Тадеушу Рыдзыку». *(Януш А. Майхерек, «Тыгодник повшехный», 13 ноября)*

- «Во время выборов маршала Сейма в польском парламенте вспыхнул конфликт. Коалиция ГП и ПиС распалась прежде, чем успела как следует сформироваться (...) Голосами ПиС, «Самообороны», «Лиги польских семей» и ПСЛ [маршалом] был избран [представитель ПиС] Марек Юрек. Благодаря поддержке со стороны ПиС одним из пяти вице-маршалов стал [председатель «Самообороны»] Анджей Леппер. Вчерашние события привели к резкому падению курса злотого, польских акций и облигаций (...) Сразу же после голосования в Сейме Варшавский биржевой индекс (WIG20), поднявшийся утром на 1%, потерял 2%». *(«Жечпосполита», 27 окт.)*

- «Варшавский окружной суд поручил судебному исполнителю принудительно взыскать с Анджея Леппера тысячу злотых (...) В ходе процесса по делу о клевете на политиков (...) нынешний вице-маршал Сейма обвинил суд в тенденциозности, за что на него был наложен штраф в размере тысячи злотых. Процесс завершился приговором к 15 месяцам лишения свободы условно, штрафу в размере 20 тыс. злотых и выплате компенсации одному из потерпевших в размере 50 тыс. злотых». *(«Тыгодник повшехный», 13 ноября)*

- Проф. Стефан Несёловский: «Такое сложное явление, как популизм, имеет целый ряд причин, однако мне кажется, что самая глубокая из них — разорение и опустошение, доставшиеся нам в наследство от нацизма и коммунизма, двух тоталитарных систем, которые господствовали в нашей стране на протяжении полувека. Уничтожение, истребление и пауперизация элиты, разрушение экономики, уничтожение духа предпринимательства, конкуренции, честности и добросовестного труда, подрыв уважения к государству, которое на протяжении нескольких поколений было не своим, а чужим и враждебным, наконец, искоренение навыка понимать и уважать демократию — вот результаты действий, символами которых в народной памяти остаются Аушвиц и Катынь». *(«Газета wyborча», 15-16 окт.)*

- «Президент Александр Квасневский назначил правительство меньшинства во главе с Казимежем Марцинкевичем (...) По сравнению с кабинетом Марека Бельки, структура этого правительства несколько иная. Прежнее министерство экономики и труда разделено на две части, причем труд вновь перешел в ведение министерства социальной политики. Кроме того, создано новое министерство регионального развития, которое будет отвечать за расходование европейских субсидий. Министерство инфраструктуры называется теперь министерством транспорта и строительства. Министерство образования объединено с министерством науки и информатизации, а Комитет европейской интеграции присоединен в «персональной унии» к МИДу. Оба ведомства возглавил Стефан Меллер [до недавнего времени посол Польши в Москве]». *(«Жечпосполита», 2 ноября)*

- «Волнения, связанные с формированием правительства, отрицательно влияют на иностранных инвесторов. Особенно негативно восприняли они субботнее интервью министра финансов Тересы Любинской, которая критически отозвалась о зарубежных фирмах, занимающихся в Польше торговлей (...) Со времени выборов курс золотого по отношению к евро упал на 11 грошей, а по отношению к доллару — на 15 грошей. В результате этих изменений за последние несколько недель внешний долг Польши, а также долг польских домашних хозяйств и фирм достиг уровня 6,2 млрд. злотых». (*«Жечпосполита», 8 ноября*)
- Ежи Лукашевский, бывший посол Польши в Париже: «Похоже, что заметная часть польского политического класса (...) все еще не понимает исторического значения процесса интеграции (...) Она рассматривает действующий в Евросоюзе принцип солидарности как право требовать этой солидарности, но не обязанность ее проявлять». (*«Политика», 12 ноября*)
- «Памяти правительства профессора Марека Бельки, правившего 1 год, 5 месяцев и 18 дней (...) Оно безуспешно пыталось убедить большинство поляков, что статистические данные не врут и в экономике наблюдается заметное оживление (...) Сдерживало падение золотого и рывок «Самообороны» к власти, но под конец споткнулось об шахтерские привилегии (...) Было единственным правительством в истории Третьей Речи Посполитой, которое не поддерживал никто, кроме президента (...) В экономике были достигнуты вполне приличные результаты — невиданный за последние годы рост производства и пробуждение доверия к деньгам (...) Оно не обмануло ничьих надежд, так как поляки с самого начала не дали ему кредита доверия». (*Витольд Орловский, «Газета wyborча», 21 окт.*)
- «Экономический рост — 3,4%, инфляция — 2,6%, застой в инвестициях, сохранение или даже небольшой рост уровня безработицы — так Институт экономических наук ПАН в своем последнем отчете «Польская экономика: прогнозы и мнения» оценил наследство, оставленное нам уходящим правительством». (*«Впрост», 13 ноября*)
- «Экономика чувствует себя неплохо, общество, как показывает социальный диагноз, — тоже вполне прилично. Зато после четырех лет правления левых «Союз демократических левых сил» (СДЛС) практически исчез с политической сцены». (*«Жечпосполита», 18 ноября*)
- Начальник Главного статистического управления (ГСУ) Тадеуш Точинский: «В Польше наблюдается спокойный, уравновешенный экономический рост. По прошествии трех кварталов хорошо видно, что двигателем роста продолжает оставаться экспорт, хотя улучшается и потребительский спрос (...) Занятость на предприятиях тоже систематически растет, причем ее рост становится все более быстрым (до 2,2% в год). В то же время не происходит значительного роста инвестиций». (*«Газета wyborча», 26 окт.*)
- Ги Сорман: «Добиться высокого [экономического] роста очень легко. Достаточно ликвидировать свободу и отменить демократию. Если бы поляки были рабами, если бы они работали как китайцы и за такие же деньги, то на некоторое время вы могли бы обеспечить 12 процентный экономический рост. Но рост — не самоцель. Это лишь орудие повышения уровня жизни, построения счастья и расширения свободы выбора (...) Экономическая свобода — не единственный важный для людей вид свободы». (*«Политика», 29 окт.*)
- «Перед сменой строя [в 1989 г.] ВВП на душу населения (по паритету покупательной силы) составлял в Польше 6 тыс. долларов. Сегодня он достигает 12,2 тысяч (...) Эти данные не учитывают доходов теневого сектора и денег, заработанных за границей (...) Еще в 1993 г. 74% поляков утверждали, что им не хватает средств на текущие нужды. Сегодня в этом признается лишь каждый третий (...) Начиная с 1989 г. мы купили 5 млн. новых автомобилей, 20 млн. холодильников, 25 млн. телевизоров. В тот год автоматическая стиральная машина была в шести десятых домашних хозяйств; сегодня — в девяти десятых (...) Поляки — обладатели самого большого количества недвижимости среди граждан новых стран-членов ЕС. Процент поляков, у которых есть собственные квартиры (62% — 8 млн. квартир), приближается к средней по ЕС (64%), однако в Польше ипотечным кредитом не обременены 90% квартир, в то время как в странах ЕС — только 50%. Кроме того, у поляков больше земли, чем у других жителей Евросоюза. В частных руках находится 14 млн. гектаров сельскохозяйственных угодий, 1,5 млн. га лесов, 60 тыс. га озер и 10 млн. участков». (*Александр Пинский и Малгожата Здоховская, «Впрост», 13 ноября*)
- По случаю Дня независимости президент Александр Квасневский наградил Лешека Бальцеровича и композитора Кшиштофа Пендерецкого высшей польской наградой — орденом Белого Орла (...) Большим крестом ордена Возрождения Польши награждены канцлер Капитула военного ордена *Virtuti Militari* бригадный генерал в отставке Станислав Наленч-Коморницкий и переводчик русской литературы, главный редактор «Новой Польши», публицист газеты «Жечпосполита», а в прошлом сотрудник парижской «Культуры» Ежи Помяновский». (*«Жечпосполита», 12-13 ноября*)

- «59% поляков доверяют ЕС. Это на 3% больше, чем два года назад. Особенно выросло доверие к Евросоюзу среди крестьян — с 25 до 45%. 53% опрошенных положительно оценивают деятельность Европейской комиссии (...) Поляки оценивают деятельность европейских учреждений гораздо выше, чем польских». (*«Жечпосполита»*, 8 ноября)
- «Сбережения поляков растут. Это происходит прежде всего благодаря доходам от вкладов, а не затягиванию пояса. Все большее значение приобретают инвестиционные фонды, а самые большие потери несут банки. На протяжении первого полугодия сумма сбережений поляков увеличилась на 9 млрд. злотых и составила 314,2 миллиарда. Это самый высокий полугодовой рост за последние несколько лет. Согласно этим данным, у среднестатистического поляка должно быть отложено на черный день 8 тыс. злотых. К сожалению, на самом деле это не так: у 70% поляков в запасе нет ни гроша». (*«Жечпосполита»*, 31 окт.)
- «В Польше осталось 1084 государственных предприятия. За последние 15 лет было приватизировано 5690 предприятий. В 2005 г. (...) до конца октября в бюджет поступило 2,7 млрд. злотых. Это менее 62% от запланированной суммы [доходов от продажи государственных предприятий]». (*«Политика»*, 12 ноября)
- «Фирмы, производящие котлы для альтернативного топлива, не успевают выполнять заказы (...) Поляки, перепуганные ростом цен на газ, солярку и уголь, отчаянно ищут более дешевые источники тепла. В домашних котельных уже начали топить соломой, зерном ржи и овса, а также опилками». (*«Жечпосполита»*, 17 окт.)
- «Пересмотр газовых договоров с Россией будет одним из приоритетов нового правительства», — заявил в пятницу премьер-министр Казимеж Марцинкевич. «Газпром» отреагировал в понедельник, потребовав повысить цены на поставляемый в Польшу газ (...) Премьер удивлен. «Трудно понять такой шаг «Газпрома», — говорит он». (*«Газета wyborча»*, 4 ноября)
- «По оценкам Института туризма, в этом году доходы Польши от туризма составят более 6 млрд. долларов. Это на полтора десятка процентов больше, чем в прошлом году». (*«Жечпосполита»*, 18 окт.)
- По данным ГСУ, более 1,3 млн. поляков работают нелегально. Для большинства из них это не способ подработать, а основное занятие. Средний месячный заработок нелегального работника составляет 392 злотых (...) За последние шесть лет число граждан, работающих нелегально, уменьшилось на 114 тыс. человек (...) В 1998 г. для 46% нелегалов работа в теневом секторе была единственным занятием. Теперь лица, рассматривающие ее в качестве основного занятия, составляют 63% всех нелегальных работников». (*«Газета wyborча»*, 26 окт.)
- Согласно опубликованному Европейской комиссией отчету о положении на европейском рынке труда, в Польше зафиксирован самый низкий в ЕС показатель занятости населения — только 51,7% всех граждан от 15 до 64 лет. Без работы остаются 40% лиц в возрасте от 15 до 24 лет (средний показатель по ЕС составляет 18,7%). В Польше также самый низкий в ЕС уровень занятости пожилых людей в возрасте от 55 до 64 лет — 26,2% (средний показатель по ЕС — 41%). Показатель занятости женщин лишь немногим выше 50% — хуже дела обстоят только на Мальте. Кроме того, мы — единственная страна Евросоюза, в которой в прошлом году увеличилась разница в заработках между различными секторами экономики и должностями». (*«Газета wyborча»*, 20 окт.)
- «Желающие воспользоваться банком времени пишут на заявлениях свой адрес и телефон, а также описывают свои нужды и способности (...) У участников есть свои счета — как в настоящем банке. Каждый отработанный час вписывается в графу доходов. У того, кто воспользовался чьей-то помощью, снимается со счета время, которое она заняла (...) Правда, в Польше действует всего пять таких банков (в Варшаве, Вроцлаве, Зеленой-Гуре, Ополе и Познани), но при приходах и общественных организациях создаются новые (...) Банки времени — прекрасный выход для матерей, сидящих с детьми, или для молодых пенсионеров, которые не хотят или не умеют сидеть сложа руки. Это неоценимая находка для людей, размышляющих о смене профессии: в банке времени они могут проверить свои способности». (*Павел Врабец, «Политика»*, 12 ноября)
- «По разным оценкам, в Польше около 35-45 тыс. человек живут без крыши над головой, а еще ста тысячам грозит бездомность (...) В Польше действует 820 центров помощи бездомным. Количество мест в ночлежках оценивается в 15 тысяч». (*«Жечпосполита»*, 25 окт.)
- В опубликованном организацией «Transparency International» рейтинге стран, свободных от коррупции, Польша заняла 70 е место. Индекс восприятия коррупции (чем он выше, тем более безопасно чувствуют себя люди) упал в Польше с 5,57 баллов в 1996 г. до 3,40 в 2005 м». (*«Жечпосполита»*, 19 окт.)

- «Бывший министр юстиции Марек Садовский ответит перед судом за произошедшее по его вине ДТП. Со времени происшествия прошло почти 10 лет, на протяжении которых Садовского защищала судебная и прокурорская неприкосновенность». (*«Тыгодник повсехный»*, 6 ноября)
- «В начале 90-х поляки испытывали к судам доверие, достигавшее 80% (...) Сегодня судам доверяют 29% опрошенных (...) Граждане Польши доверяют судьям в два раза меньше, чем продавцам в магазине (...) В Польше свыше тысячи человек сидят в предварительном заключении больше двух лет, в то время как, согласно Уголовному кодексу, человека можно арестовать только на три месяца, а в исключительных случаях — продлить предварительное заключение до 12 месяцев (...) На 100 тысяч жителей у нас приходится 17 судей, между тем как в США и Швеции — четверо, а в Великобритании — двое». (*Ян Пинский, «Впрост»*, 30 окт.)
- «Вся деревня стала горой за родителей-инвалидов, у которых суд отобрал двух дочерей. Дети попали к приемным родителям. Жители деревни скинулись на адвоката (...) «Мы живем скромно, но это не повод, чтобы отбирать у нас детей. Нашей семье причинили страшное зло», — говорят со слезами на глазах Ирена и Здислав Мазгай из деревни Новоселье близ Санока в Подкарпатском воеводстве». (*«Жечпосполита»*, 25 окт.)
- «Практика последних лет успела приучить нас к тому, что законодательный запрет на разжигание расовой или национальной ненависти остается в Польше мертвой буквой. Все подобного рода дела прекращаются ввиду «ничтожного общественного вреда» или же по ним выносятся двусмысленные приговоры». (*Петр Братковский, «Жечпосполита»*, 29-30 окт.)
- «Высший административный суд (ВАС) постановил, что лица, принужденные уехать из Польши на постоянное место жительства после марта 1968 г. [в связи с антисемитской кампанией], не лишились польского гражданства. На основании оспоренных ВАС приговоров из Польши эмигрировало около 2 млн. человек — не только в Израиль». (*«Тыгодник повсехный»*, 30 окт.)
- «В селе Гута-Пеняцкая близ Бродов на Львовщине прошла траурная церемония в память о тысяче поляков, убитых там 28 февраля 1944 года (...) Село разрушила украинская дивизия СС «Галичина» вместе с [отрядами] Украинской повстанческой армии и украинцами из соседних деревень (...) Впервые, спустя несколько десятков лет, прежние жители Гуты посетили то место, где когда-то стояло село. Они приняли участие в поминальной мессе перед каменным крестом с двумя досками, на которых высечены фамилии известных (далеко не всех) убитых, а затем в освящении места казни. После этого они ходили по полям, пытаясь найти те места, где стояли их дома и похоронены их близкие». (*Петр Косцинский, «Жечпосполита»*, 22-23 окт.)
- «В пятницу в люблинском Европейском колледжуме польских и украинских университетов прошла торжественная церемония, посвященная началу учебного года. В колледжуме учатся 145 аспирантов, 109 из которых — украинцы (...) «Это Гедройц объяснил полякам, что их страна расположена не между Германией и Россией, а между Германией, Украиной, Белоруссией и Литвой», — сказал украинский историк и публицист проф. Богдан Осадчук. — (...) В будущем году здесь должен быть создан польско-украинский университет». (*«Жечпосполита»*, 22-23 окт.)
- «В Белоруссии уже можно купить первый номер ежеквартального журнала «Магазин польский на уходзъте» («Польский журнал в эмиграции»). Редактируют его журналисты, связанные с не признаваемым белорусскими властями председателем Союза поляков Белоруссии (СПБ) Анжеликой Борис. Первый номер был отпечатан в Польше при поддержке созданного по инициативе «Права и справедливости» Комитета солидарности с Белоруссией. Журнал должен составить конкуренцию пропрезидентскому «Магазину польскому». (*«Жечпосполита»*, 2 ноября)
- «Капитул премии им. Ежи Гедройца газеты «Жечпосполита» за деятельность на благо польских государственных интересов постановил присудить премию 2005 года выдающейся российской поэтессе и журналистке, борцу за свободу и права человека, большому другу Польши и поляков Наталье Горбаневской — за многолетнюю самоотверженную деятельность на благо укрепления дружбы, доверия и взаимопонимания между народами и государствами Восточной Европы, а особенно между поляками и русскими». «В 1968-1969 гг. Наталья Горбаневская была первым редактором издававшегося в СССР самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий», и уже одно это обеспечило ей прочное место в истории борьбы с тоталитарной системой». «Теперь я еще и член редколлегии журнала «Новая Польша», — говорит Горбаневская. (*«Жечпосполита»*, 12-13 ноября)
- «Умер Александр Николаевич Яковлев (...) Для поляков он навсегда останется (...) человеком, благодаря которому после долгих десятилетий извращения истории Москва наконец публично признала, что ответственность за катынское убийство несут Сталин, НКВД и советские коммунисты. В 65 ю годовщину

катынского преступления он был награжден за это командорским крестом ордена Заслуги Республики Польша». («Жечпосполита», 19 окт.)

• «С 10 по 21 октября представители Института национальной памяти (ИНП) изучали в Москве 67 томов несекретных документов российского следствия по делу о катынском преступлении (...) Российская сторона не согласилась сделать ксерокопии этих документов. «Не предоставили нам и текст постановления о прекращении российского следствия по катынскому делу», — сообщил вчера в Москве Павел Кароляк из ИНП». («Газета wyborча», 25 окт.)

• Томаш Наленч: «В интервью правительственной «Российской газете» заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Николай Спасский обвинил Польшу в «смерти десятков тысяч красноармейцев, в 1920-1921 годах погибших в польских концентрационных лагерях» (...) Совместные выводы польских и российских архивистов и историков, опубликованные (в т.ч. и в России) в сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919-1922 гг.» [см. «НП», 2005, №10], свидетельствуют о том, что никакого истребления пленных поляками не было. Почему же высокопоставленный представитель российских властей повторяет ложь, бросающую тень на польско-российские отношения?» («Впрост», 23 окт.)

• Евгений Киселев, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», один из основателей НТВ и главный редактор «Московских новостей»: «Этот новый праздник вызывает у меня чувство стыда (...) Установленный Кремлем новый праздник имеет явный антизападный и антипольский подтекст (...) Это попытка напомнить россиянам, что их историческими врагами всегда были люди с Запада, в том числе поляки. Недавно мы прощались с Александром Яковлевым, который приложил немало усилий, чтобы рассказать правду о пакте Риббентропа—Молотова, разделе Польши, катынском преступлении. Теперь все это снова засекречено. В связи с этим я тем более хочу, чтобы читатели газеты «Жечпосполита» знали: в России есть миллионы людей, которые, как и я, считают, что такого рода действия позорят нашу страну; есть тысячи россиян, которые благодарны Польше за «Солидарность», которые помнят Валенсу и Кароля Войтылу и понимают, что произошедшие в России положительные изменения были возможны благодаря тому, что десятью годами раньше именно поляки дали импульс переменам — в том числе и российским». («Жечпосполита», 5-6 ноября)

• «Это была величайшая трагедия в истории варшавской Праги [некогда предместья, а ныне правобережной части города] (...) Вчера в Праге отмечалась 211-я годовщина знаменитой резни (...) Наступавшие на Варшаву русские войска под командованием Александра Суворова штурмом взяли Прагу и 4 ноября 1794 г. вырезали более 20 тысяч человек. Жителей вытаскивали из домов и убивали на улицах. Дома поджигали (...) Спустя неделю охваченные ужасом защитники Варшавы капитулировали. Архиепископ Славой Лешек Глудзь отслужил в [пражском] кафедральном соборе вечернюю мессу за погибших в те дни пражан. После богослужения из собора двинулась процессия к кресту, посвященному памяти жертв резни, который стоит неподалеку от [православной] церкви св. Марии Магдалины. Надпись на кресте гласит: «Они погибли, потому что были поляками»». («Газета wyborча», 5-6 ноября)

• «Кем был Сократ Старынкевич? Этого не знают даже многие из тех, кто приходит в нашу редакцию, расположенную на площади, которая вот уже 112 лет носит его имя. Речь идет о «благороднейшем русском» (как спустя многие годы назвал его выдающийся историк проф. Станислав Хербст), в 1875-1892 гг. исполнявшем обязанности президента Варшавы. Недавно вышел [в польском переводе] его «Дневник», написанный в 1887-1897 гг., который был предоставлен директору Исторического музея Варшавы Анджею Солтану правнучкой президента Элизабет Старынкевич-Миллет [см. отрывки из дневника в «НП», 2004, №10]. В этих записках Старынкевич предстает перед нами человеком кристально честным и чутким, наделенным огромным чувством ответственности за судьбу препорученного его заботам города, а также, говоря шире, за уважение и справедливое отношение к полякам (...) Этому царского генерал-майора в отставке возмущало стремление к официальной русификации (...) Когда в 1902 г. Старынкевич умер, его провожали на варшавское православное кладбище тысячи благодарных поляков. Его ухоженная могила находится в тамошней Аллее заслуженных (с 1924 г.), восстановленный прекрасный бюст стоит на территории [построенной по его инициативе] фильтровальной станции (1996), а площадь [его имени] никогда не переименовывалась». (Мацей Росаляк, «Жечпосполита», 3 ноября)

• «Одним из последних [новоизбранного президента Леха Качинского] поздравил президент России (...) Письмо от Владимира Путина передал Качинскому поверенный в делах российского посольства. «Я рад этому визиту. Содержание письма дает хороший прогноз на будущее», — сказал Качинский». («Жечпосполита», 27 окт.)

• Согласно популярному в Варшаве анекдоту, телеграмма президента Путина новоизбранному президенту Качинскому звучит так: «ПОЗДРАВЛЯЮ СТОП НЕФТЬ СТОП ГАЗ СТОП» (Игра слов: в телеграммах польское «стоп» соответствует русскому «тчк» — Пер.). (Первая программа Польского радио, 6 ноября)

- «Начиная с 10 ноября Россия ввела запрет на импорт из Польши мяса и некоторых мясных изделий». (*«Жечпосполита», 10-11 ноября*)
- «Через четыре дня после закрытия границ для польского мяса Россия ввела запрет на импорт наших продуктов растительного происхождения». (*«Жечпосполита», 12-13 ноября*)
- «Если бы не мясо, нефть, газ и новый российский национальный праздник, связанный с поляками, мы могли бы сладко спать и видеть сны о Западе. И только о нем. Восток появляется в нашем сознании урывками, время от времени и главным образом в связи с Польшей. Сам по себе он руководителей наших СМИ не интересует (...) Их не интересуют сами украинцы, белорусы и россияне, которые в результате не могут интересоваться и нас, потребителей информации: мы слишком мало о них знаем (...) Занимаясь только жестами Кремля по отношению к Польше и отказывая в заинтересованности остальным россиянам, мы укрепляем в них ощущение изоляции, особенно болезненное для тех, кто идентифицируется скорее с западной, нежели евроазиатской цивилизацией. Мы не упоминаем о них ни в ЕС, ни в Совете Европы, ни в ООН». (*Кристина Курчаб-Редлих, «Жечпосполита», 18 ноября*)
- «В ходе закрытого процесса Варшавский окружной военный суд приговорил подпоручика Войцеха С., признанного виновным в шпионаже в пользу России, к трем годам лишения свободы и разжалованию (...) Войцех С. служил в Военной информационной службе». (*«Жечпосполита», 5-6 ноября*)
- «Под лозунгом борьбы с терроризмом [США] напали на Афганистан, демонизируя талибов. Перед агрессией против Югославии общественному мнению внушали, что в Косове происходит геноцид (...) Сколько невинных людей погибло от американских и британских бомб, сброшенных на Югославию, Ирак, Афганистан? (...) Американские и британские летчики без зазрения совести разрушали экономическую инфраструктуру подвергшихся нападению государств, особенно Югославии, сознательно убивали безоружное мирное население». (*Тадеуш Самитовский, «Пшеглэнд православный», октябрь*)
- В полевом госпитале польской спасательной миссии в пакистанском городе Балакот помощь была оказана почти 700 лицам, получившим ранения во время землетрясения. В состав миссии входили 18 человек из гданьской и новосончской специальных групп — в т.ч. пожарные, спасатели, проводники собак, врачи. Они привезли с собой пять поисковых собак и специализированное оборудование, включая электронные детекторы. Миссия вернулась в Польшу 19 октября. (*«Тыгодник повшехный», 30 окт.*)
- Согласно опросу Института «Пентор», «1 ноября [в день Всех святых] на могилы родных и близких собирается пойти 91% поляков (...) Половина из нас и так приходит на кладбище по крайней мере раз в месяц. Мы приходим туда, чтобы воздать дань памяти и уважения усопшим (так говорят более половины опрошенных), а также чтобы задуматься о нашей бренности и смерти (так считает каждый четвертый опрошенный). Для каждого десятого поляка это время молитвы». (*«Жечпосполита», 29-30 окт.*)
- «В Польше уже появились кладбища для животных [под Варшавой, Быдгощем, Вроцлавом и в Лодзи], однако их все еще слишком мало (...) Это трогательные места — земля там усеяна маленькими могилками, богатыми или очень скромными, но всегда украшенными красивыми надписями, прославляющими достоинства умерших зверюшек, а также выражающими тоску и боль их хозяев. А на могилках подарки: искусственные мышки, резиновые кости, цветы и, конечно же, надгробные лампадки». (*Марыля Вейс, «Кот», журнал для любителей кошек, ноябрь-декабрь*)
- Проф. Зофья Келан-Яворская, лауреат премии Фонда поддержки польской науки 2005 года, называемой польской Нобелевской премией: «Палеонтология учит нас скромности, показывая, что человек — не господин творения, а продукт эволюции». (*«Жечпосполита», 8 ноября*)

2: ЭТО СВОБОДНАЯ СТРАНА!

ДВАЖДЫ СИБИРЬ

Снегу навалило. И дальше валит. Даже в центре города, где снег быстро превращается в грузное черное месиво, белизна не уступает. Она покрывает толстым слоем улицы, площади. Только на мостовых можно победить ее благодаря безустанной работе снегоочистителей. Правда, и они не поспевали.

Снег шел густой и упорный. В дальних предместьях города возникали пространства, покрытые толстым слоем девственного снега, без человеческих следов. Только птичьими и собачьими пробежками были исчерканы эти

белые полости. Некоторые улицы были окружены высокими сугробами: дворники широкими лопатами собрали снег.

Сегодня вдобавок начало выюжить: сорвался порывистый ветер, поднимавший тучи белой пыли. Возле корпуса снег осклиз от ходьбы, и надо ступать очень медленно, на широко расставленных ногах. Так и передвигаются люди, низко опускают головы, защищаясь от ветра поднятыми воротниками пальто и курток.

Пожилой мужчина возвращался из магазина с покупками в сумке. Он уже подходил к двери, когда ветер разгулялся и резким порывом толкнул его с протоптанной дорожки в сугроб. Мужчина с трудом сохранил равновесие, но провалился в снег по пояс. Кое-как вылез и, отряхнув башмаки, поскользнулся — и снова оказался в сугробе.

— Сибирь, сучий потрох! — ругнулся он громко.

Час спустя в другой части города молодой мужчина, шедший энергичным, размашистым шагом, переходя площадь, поскользнулся на отполированном до блеска оледенелом снегу. Наверно, подошвы его модных полуботинок были слишком гладкие — поскользнулся на каблуках и больно упал на сиденье. Аж застонал, туша у него была та еще. Неловко поднялся, злой, раскрасневшийся.

— Сибирь, бля! — выкрикнул он с гневной страстью.

Согласитесь, что это весьма интересно. Два раза то же стихийное восклицание бессознательно вырвалось у пожилого человека и у молодого, лет этак на тридцать младше.

Суровый зимний пейзаж сибирского Севера. Никакой Гренландии, Аляски — одна Сибирь.

Пожилой мужчина мог помнить те края по личному опыту. В Советском Союзе поляков вывозили в Сибирь, а до того — в России. Два века краеведческого опыта. У юноши же не могло быть личных ассоциаций. Быть может, он слышал о Сибири дома: отец, кто-то другой из близких могли совершить туда принудительное странствие. Или просто начитался воспоминаний ссыльных.

Вот так, размышляя об этом дважды повторенном восклицании «Сибирь!», я чуть-чуть было и сам не попался, не поскользнулся на снегу — спас меня металлический столбик, ограждавший тротуар от мостовой, за него я ухватился обеими руками. Не успел воскликнуть: «Сибирь!»

ЭРУДИТ

Они ходили втроем. Помоечники, бездельники, бродяги. Этой своей плетущейся, измаянной походочкой. Тепло одеты, хоть зимой, хоть летом, в слоях шмотья как луковица, с мешками на спине. Заросшие, кудлатые, покрытые многомесячной корой грязи, въевшейся в руки, лицо, во всё; лица у них на солнце переливались багрянцем, медью, бронзой, желтым и лиловым. Целая палитра. Они обходили город, как лесные звери свою заповедную территорию. На постой становились в подворотнях, под стенкой, на помойке. Из мусорных ящиков они черпали всякое добро, макулатуру, бутылки, металлолом — и продавали в скупку.

Минималисты потребностей и требований. Редуцированные существа. Можно было увидеть, как они на корточках сидят на улице, питаются обрезками колбасы, сыра, хлеба, извлеченными из челюстей мусоросборников. Вырытое из мусора меню они разнообразили объедками с тарелок в дешевых забегаловках, порой заходили в столовые для бедных и там иногда получали тарелку горячей еды. Утолив голод, сытые, радостно улыбаясь, они искали бычки. Рылись в урнах, вели поиски между плит тротуара. Жадно докуривали, и это была полнота счастья.

В зимнюю пору они грелись у батарей на вокзале, забирались на лестничные клетки домов, исчезали где-то в подземных частях города, знали тайные входы в горячее нутро столицы, размещались в котельных или возле водопроводных труб. Когда их гнали, как докучливых насекомых, они удалялись без возражений и искали пристанища в другом месте. Скорее неразговорчивые, они издавали нечленораздельные звуки, несколько напоминающие покрякивание неведомых птиц, давно утратив потребность выговаривать слова полностью. Бывали они и весьма счастливы, это чаще всего случалось после того, как они напивались самым дешевым вином, так называемыми коктейлями и прочей отравой подозрительного происхождения. Улыбка украшала их лица, они покрякивали оживленней, жестикулировали и неловко подсакивали. Но никогда не скандалили, никого не задирали и радостям своим предавались в сторонке. Не заступали другим их столбовую дорогу и выбирали себе места постоя где-нибудь сбоку, в подворотнях старых доходных домов, по краешкам рыночных

площадей или в бурьяне на берегу реки. Было их трое неразлучных дружков. Тот лысый, с рыже-сивой бородой патриарха и маленькими, но крайне живыми глазами, хоть такой же, как они, ободранный, с распухшими, как воздушные шары, ногами, отличался среди них ярко выраженной особливостью. Два его товарища, насытивши голод объедками с помойки или же клецками, картошкой и овощами из пластмассовой коробки, которыми угостила их добродушная кухарка из забегаловки, с великой жадностью поглотив еду и чувствуя сытость, распившую брюхо, впадали в глубокий сон где-нибудь на стеночке, окружающей какой-нибудь сквер, или в подворотне, принимали горизонтальное положение и переваривали съеденное, посапывая и похрапывая сквозь сон. А лысый бородатый патриарх усаживался отдельно, чуть в стороне от дружков, сразу вытаскивал из бездонного мешка пачку цветастых еженедельников и сосредоточенно предавался решению крестословиц, шарад, ребусов. Полностью поглощенный умственным развлечением, он огрызком карандаша заполнял соответствующие квадратики, подымал голову, морщил лоб и усиленно размышлял. И так часами. Те двое уже проснулись, покрикивают на него, жаждут пуститься дальше, а он их и не слышит, погруженный в свое захватывающее занятие. Они подходят, тянут его. Он неохотно встает. Трогается им вслед. Все трое шлепающей походкой, навьюченные набитыми мешками, куда-то поспешают. Однажды, испытывая неудержимое любопытство, я заглянул ему через плечо: он держал разложенным на коленях старый, изорванный журнал с крестословицей, занимающей полстраницы, — она была уже почти решена. Он еще ломал голову над несколькими пустыми квадратами. Ровным, старательным почерком чертил буквы. Они сложились в поддающееся прочтению слово — Бунин.

— Бунин, — повторил я бессознательно.

Он поднял голову. Поглядел на меня и добродушно улыбнулся.

— Хороший писатель, — произнес он хриплым голосом. — Первым в России получил Нобеля.

Я посмотрел на него изумленно. Он не переставал улыбаться. Я угостил его сигаретой. Он затянулся с наслаждением. Ладони у него были узкие, пальцы длинные. Жутко грязные, с черными когтистыми ногтями.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Трое местных пьянчужек. Стояли между ларьками на площади Шембека. Знакомы были много лет. Стоят и ждут. Чего? Понятное дело — везенья. Что-то от торговцев получают за помощь в разгрузке товара. Порой походят за макулатурой и цветными металлами. Или за чем-нибудь их пошлют. Кто-нибудь что-нибудь всегда подарит. Жалостливое сердце состраданием забьется. Братская душа отзовется в человеке, который рюмку мимо рта не пронесет. И уже можно в магазине пивка, вишневки или еще какой бормотухи купить.

Сегодня все складывалось плохо с самого утра. Торговцы не нуждались в помощи. Жалостливых сердец не находилось. Они стояли с сухой глоткой. Внутри их жутко трясло. Так жутко, что моментами казалось, будто эти тучи, черные и тяжелые, нависшие низко над землей, сейчас рухнут им на черепушку. Они пробовали отогнать мрачные мысли. Один начал анекдот рассказывать. Про мужика, бабу и еще одного мужика. Но так и не дорассказал, запутался, забыл. Второй принялся бредить о счастье. Что якобы один старик на этом базаре нашел двести золотых одной бумажкой. Ну и что из этого! Они уже давно ничего не находили. Ни одного золотого.

— Вырубись, хер сломанный! — проворчал первый второму, и его еще сильнее затрясло, а тучи сползали все ниже.

Третий, Хайло, с рубильником лиловым и крючковатым, с голыми деснами в хайле без единого зуба, начал так:

— А знаете, парни, что там дальше... — он протянул руку вперед, — лежит Ольшинка-Гроховская?

Разум что ли и память ему отбило! Они же все оттуда, парни из Грохова. Кто ж это не знает, что там Ольшинка-Гроховская.

Хайло не унимался:

— Но чего щас скажу, наверняка не знаете... — он задумался, лоб покрылся бороздами. — Тут великую битву поляки москалям устроили, сто и сколько-то там десятков лет назад, в ноябрьское восстание.

Они подняли головы и поглядели на него с изумлением. Хайло еще больше наморщил лоб, на этот раз голову повернул и руку вытянул назад.

— Там Иганская, верно? — Они поддакнули. С детских лет они бегали по булыжникам Иганской, Чапельской, оттуда на Вятрачную, Гроховскую и к озерку на Каменке.

— Иганская, — Хайло широко улыбнулся, обнажив голые десны, — тоже от восстания. Была такая битва под Иганями.

Они заморгали, никак не улавливая, куда Хайло ведет. А он говорит:

— Еще дальше — Жимирского, верно?

— Ну и что из этого? — разозлился первый.

— Ты что, сбрендил? — добавил второй.

— И вовсе не сбрендил, — возразил Хайло спокойно. — Еще Дверницкого...

— Дверницкого, — повторил второй. — Та самая Манька за магазином живет на Дверницкого. Кажись, в доме пять.

— Десять, — поправил первый.

— Дверницкий, наш генерал, — говорил Хайло как в трансе, — надавал москалям под Сточком. Еще Кицкого — Кицкий тоже генерал... Ну а Шембек? — спросил он и посмотрел на них высокомерно. — Скажите, парни, кто такой был Шембек?

Они не знали.

Перевод Натальи Горбаневской

3: К 70-ЛЕТИЮ МАРЕКА НОВАКОВСКОГО

Написанного Марекком Новаковским, кажется, так много, что в коротком тексте толком ни о чем и не расскажешь. Трудно даже установить, сколько книг напечатал писатель, отмечающий в нынешнем году свое 70 летие (Марек Новаковский родился в 1935 г. в Варшаве и с этим городом непрерывно связан до сих пор). Только одних названий книг-«премьер» больше пятидесяти — начиная с дебютантского сборника рассказов «Этот старый вор» (1958) вплоть до самого последнего тома прозы «Стигматики», изданного в середине 2005 года.

Трудность в подсчетах вытекает из того, что Новаковский — мастер малых повествовательных форм: повести — или, как теперь говорят, «мини-романы» — он пишет крайне редко, а за традиционные, «настоящие» романы вообще никогда не брался. Поэтому неудивительно, что во многих книгах Новаковского в новом составе повторяется ранее использованный материал. К этому прибавляются издания избранных рассказов. Наконец, многие его книги, а в 80-е годы — практически все, из-за цензуры выходили сначала за рубежом или в подпольных издательствах и только после проходили их официальные премьеры на родине. Так или иначе даже неполная библиография произведений Марка Новаковского производит сильное впечатление. Это один из самых работающих польских прозаиков последних пятидесяти лет.

То, что полка со всеми книгами Марек Новаковского протянулась бы в длину на несколько метров, конечно, не слишком важно. В конце концов, плодovitость еще ничего не решает. Куда важнее то, что писатель ни разу не изменил своему призванию, остался верным писательской миссии, которую осуществляет с полной убежденностью почти полвека.

Марек Новаковский впервые стал печататься в литературной периодике в 1957 году. Годом позже вышла его первая книга, вышеупомянутый сборник рассказов «Этот старый вор». Второй сборник прозы, «Бенек Цветочник» (1961), с тематической и формальной точки зрения продолжавший дебютантскую книжку, не только упрочил писательское положение Новаковского, но и на многие годы вперед создал его образ в глазах публики. К писателю надолго приклеился ярлык певца социального дна, автора, заинтересованного особым вариантом маргинальности, специалиста по «черной прозе».

Предметом описания в своих ранних книгах Новаковский сделал замкнутую среду варшавских предместий — мир мелких преступников, алкоголиков, проституток и других отбросов общества. В этой среде, как заверял тогда Новаковский, сохранились возвращенные традициями нравы и нормы поведения: лояльность, солидарность,

гордость, бандитская честь. Молодого писателя этот маргинальный мир и его этика явно зачаровывали. Привлекательны они были и для интеллигентского читателя.

В следующих сборниках прозы («Сильный жар», 1964; «Запись», 1965; «Гонка», 1967) Марек Новаковский расширил свою «окраину»: рядом с прежними героями (людьми социального дна, преступниками, дегенератами) у него начали появляться рядовые граждане — мелкие чиновники, ларечники, рабочие. То, что раньше выглядело как увлечение пригородной экзотикой, постепенно превращалось в жестокий социальный диагноз. Исчезло противопоставление дегенерированных («больных») маргиналов «нормальному» («здоровому») большинству. Оказалось, что простые люди со страниц прозы Новаковского не находят себя в мире мелкобуржуазных чаяний, чувствуют, что окружены банальностью и рутинной. Стремясь изменить свою жизнь, они рвут социальные связи.

«Окраина» начала у Новаковского тревожно расширяться, а проза его — усложняться. А не надо забывать, что автор «Бенка Цветочника» сразу предложил читателю простые, новеллистические картинки, основанные на четком, иногда наивном анекдотическом сюжете. Теперь от сборника к сборнику писатель стал углублять психологический анализ своих героев, разнообразить и обогащать сюжетные конфликты, все смелее вводить автобиографические и даже автотематические мотивы (например, в поразительном, художественно впечатляющем сборнике «Червяки», 1968). Автор уже не занимался простыми записями из области пригородной этнографии — к началу 70-х он выступил как вполне зрелый писатель, литературно интересный, новаторский, иногда утонченный.

В 70-е годы, как и в предыдущее десятилетие, почти каждый год выходило по новому сборнику прозы Марек Новаковского. Некоторые из них были особенно доброжелательно приняты критикой и читателями, а со временем вошли в канон современной польской прозы. Достаточно назвать два произведения 70-х, вызывающие восхищение и сегодня: «Свадьба еще раз!» (1974) и «Князь ночи» (1978). В первом из них, используя мотив свадьбы, один из ключевых в польской литературе, писатель показал нравственную деградацию современного ему общества, вывел растленную «пьяную Польшу» мелких мошенников и комбинаторов, презирающих закон и обычай, соединенных неформальными связями. А в «Князе ночи», рассказе, необычайно впечатляющем художественно, представление субкультуры и склада ума люмпенов писатель обогатил размышлениями о вечном конфликте между правдой действительности и вымыслом.

Во второй половине 70-х писатель был связан с формировавшейся тогда политической оппозицией. Он подписывал письма протеста и обращения к государственным властям, был одним из создателей независимого издательского дела. Самый видный из независимых польских литературных журналов того времени, «Запись», получил название от сборника его рассказов «Запись» [слово «запись» означает также цензурную запись о запрете на те или иные сведения, имена и т.п.]. Неподцензурным издательствам Новаковский верил свои произведения, которые — из-за содержавшегося в них заряда язвительной критики — никоим образом не могли бы выйти в государственных издательствах, даже в смягченном виде.

После введения в декабре 1981 г. военного положения Марек Новаковский первым из польских писателей стал печататься в подпольных изданиях под своим именем. На протяжении многих лет он подвергался гонениям, а в 1984 г. несколько месяцев отсидел в тюрьме.

Литературным свидетельством этих горячих лет стали сборники «Репорт о военном положении» (1982, вторая часть — 1983), «Заметки о повседневности» (1984), «Два дня с Ангелом» (1984), «Волки подходят со всех сторон» (1985), «Гриша, я тебя скажу» (1986, [заглавие по-русски с ошибкой]). Три первые книги написаны в форме обычного репортажа и по сей день считаются важным литературным документом, где писатель, как никто другой, передал ужас и печаль военного положения в Польше. Следующие книги из этой серии, хотя литературно более изысканные, — это произведения явно тенденциозные, даже агитационные, рассчитанные на то, чтобы скомпрометировать слуг тоталитарной системы.

Во второй половине 80-х в творчестве Марек Новаковского начинается новый этап. Недавний агитатор обращается к таким темам, как одиночество художника, опыт бренности жизни, ощущение собственной беспомощности. Несколько позднее, особенно в сборниках «Homo Polonicus» (1992) и «Греческий бог» (1993), писатель снова предпринимает попытку описать «больную Польшу», на этот раз «новую Польшу», страну, в которой идут глубокие преобразования. И опять перед нами мрачная, гнетущая картина современности. Писатель показывает распад социальных связей, хищничество восстановленного в Польше капитализма, бессилие государства и закона. Новаковский пишет портрет «нового поляка», испорченного человека цивилизации денег, безжалостного и деморализованного, но внимание писателя обращено и к проигравшим и отброшенным, к тем, кто не может найти себя в либеральной действительности, управляемой законами свободного рынка. В новых рассказах все чаще появляются уголовные фабулы (например «Выстрелы в

гостинице «Георг»», 1997). Писателя, однако, интересует не фабульное обогащение сюжета, а радикальная критика социального порядка, наступившего в 90-е годы и непрерывно продолжающегося по сей день. Он равно клеймит как новые времена, так и эпоху «Народной Польши». Писатель, можно сказать, назначил себя стражем недоброй памяти о годах существования социалистической Польши. В 2002 г. он выпустил «Мой словарь ПНР», где, используя личный опыт, каталогизировал глупости и подлости тех времен.

Своеобразным противовесом радикальным, разоблачительным выступлениям писателя стали полные лиризма и тепла повести об уходящих в прошлое людях и пейзажах Варшавы (три сборника из цикла «Отблески», 1995–1998). В последние годы Новаковский несколько раз поражал сменой тона, например, опубликовав прекрасный, волнующий рассказ «Ампир» (2001) — о мальчике, которого отец из благих побуждений обманывает, желая привить ему восхищение довоенным миром, символом которого служит гостиница «Ампир». От писателя следует ожидать новых литературных неожиданностей — они идут на пользу его прозе. А то на протяжении десятилетий — можно считать, с момента дебюта и доныне — Мареку Новаковскому приходится преодолевать поспешно и, пожалуй, несправедливо навешенные на него ярлыки: певец социального дна (60-е годы), агитатор (80-е), радикальный критик «новой Польши» (90-е и ранние 2000-е). Сила стереотипа жестока. Вероятно, поэтому новые книги Новаковского публикуют не так хорошо, как они того заслуживают. И в этом, разумеется, заключается потеря польского читателя.

4: ЛАБИРИНТ У МОРЯ

Душенька

*Я не вижу, чтобы Фрейд где-то поднимался
над собственной психологией, и не знаю,
каким образом он хочет избавить больных от того
страдания, которое мучит его самого как врача.*

Карл Густав Юнг

Уж не помню точно, по какому случаю я наткнулся на этот текст. По всей вероятности, это было в период, когда я писал эссе об Акрополе, а поскольку работа шла через силу, то я, как обычно в таких обстоятельствах, уходил в чтение, углублялся в труды, заметки, статьи, рассеянные по археологическим научным журналам, и делал из них выписки, заранее сомневаясь, что они на что-нибудь пригодятся. Сам себя самым очевидным образом обманывал. Я как будто хотел оправдаться, что, мол, не бездельничаю, не впадаю в духовную прострацию, поэтому занимался эрзацем работы, бесплодным и скучным, в надежде, что из этого бесплодия и скуки вдруг блеснет чистый луч вдохновения. А тем временем каждый ящик систематического каталога в библиотеках, куда я ходил, зиял сотнями заголовков на разных языках и как будто говорил: «Зачем трудишься, все уже написано, в этой области нечего добавить. Единственная роль, которая тебе может достаться, — роль компилятора».

И как раз в это время беспокойства и колебаний мне в руки попало письмо Сигизмунда Фрейда Ромену Роллану, написанное к 70-летию писателя и, как вытекает из характера письма, предназначенного для книги, которую друзья издавали в честь великого писателя.

Оставляя в стороне эпистолярную форму вступления и заключения, этот фрагмент из Фрейда можно рассматривать как эссе, тем более интересное, что создатель психоанализа применяет этот метод к самому себе, точнее к одному эпизоду из собственного опыта. Этот эпизод, отдаленный от пишущего на тридцать с лишним лет и на вид в высшей степени банальный, упорно появляется — как признаётся Фрейд — в поле его сознания, притом без отчетливой основы или причины.

В 1904 году, рассказывает Фрейд, он и его младший брат, как каждый год в конце августа — начале сентября, собрались отдохнуть у Средиземного моря. На этот раз каникулы у них получались покороче, и они отказались от традиционной поездки в Италию, зато поехали в Триест, откуда собирались на остров Корфу, чтобы провести там несколько дней. Случайно встретившийся в Триесте знакомый резко их от этого отговаривал. На островах, доказывал он, в это время года очень жарко — куда приятней отправиться в Афины. Особенно удобна поездка морем, так как она оставит путешественникам три дня на осмотр города.

Это, казалось бы, разумное и привлекательное предложение вызвало у обоих братьев — удивительное дело — довольно мрачное настроение. Они блуждали по Триесту, никак ни на что не решаясь, и без особого восторга обсуждали план поездки в Афины, усматривая в нем одни лишь препятствия. Но когда наступило время и открылись двери «Ллойда» — они подошли к окошку и купили билеты, словно забыв на минуту о недавних возражениях.

«Пополудни в день нашего прибытия, когда я поднялся на Акрополь и охватил взглядом пейзаж, мне вдруг пришла эта удивительная мысль: «Значит, все это на самом деле существует — как мы учили в школе»». Это замечание не слишком оригинально, но оно верно передает чувства всех, кому было дано впервые стоять перед Колизеем, статуей Венеры Милосской или портретом Моны Лизы. И как раз в глубину этого переживания или ощущения Фрейд запускает аналитический зонд, чтобы показать, что оно не так просто и заурядно, как могло бы казаться.

По мнению создателя психоанализа, тут наступает особый случай сосуществования в одной и той же психике двух противоречивых подходов и вытекающих из них двух диаметрально противоположных реакций на действительность. Разумеется, это не какое-то там раздвоение личности, но внутри нее возникает тревожная щель, и прямое отношение между воспринимающим субъектом и объектом замутняется. Присмотримся к этому явлению поближе.

Характерная реакция, вытекающая из первого подхода, — удивление, что зримый глазами Акрополь существует на самом деле, как будто раньше были сомнения в его реальном существовании; знаменательная же реакция второго подхода — «удивление этому удивлению», ибо реальность Акрополя никогда не была предметом сомнений.

Чтобы иллюстрировать первый подход, Фрейд говорит, что с некоторым преувеличением его можно было бы сравнить с реакцией человека, который, прохаживаясь по берегу озера Лох-Несс в Шотландии, вдруг видит тело знаменитого чудища, распростертое на берегу, и вынужден признать: так оно на самом деле существует, это морское чудище, в существование которого мы никогда не верили. А второй поход, добавим от себя, близок наивному реализму, он безоговорочно принимает чувственный мир, полностью открыт к не затуманенному никаким размышлением восторгу или ужасу.

Самым естественным истолкованием этих двух «конкурентных» чувств стало бы суждение, согласно которому есть принципиальная разница между тем, что мы испытываем непосредственно, и тем, что знаем из книг или от людей, и что как раз это взаимное наложение знания и зрения приводит к вышеназванному противоречию в чувствах и замутненному восприятию действительности. Но Фрейд отвергает такое истолкование как слишком банальное и ничего не объясняющее.

Он старается отыскать причины, по которым в Триесте он отталкивал столь привлекательную перспективу поездки в Афины, а на Акрополе его радость, вытекающая из прямого общения с шедевром архитектуры была заслонена глубокой тенью скептицизма. «Согласно свидетельству моих чувств, я сейчас стою на Акрополе, только не могу в это поверить» — или то же самое ощущение, выраженное категоричней: «То, что я сейчас вижу, нереально».

Скептицизм — вот надлежащее слово. Не только слово, но, по мнению Фрейда, что-то куда больше, ибо это глубоко укорененный в человеке психический механизм. Действие этого психического механизма мы хорошо знаем из повседневного опыта. Стоит нам встретить несчастье, как мы отталкиваем его криком «нет, не может быть», стараемся как бы ликвидировать эту часть действительности, отбросить ее за пределы нашего сознания. И автор приводит прекрасный литературный пример — фрагмент поэмы «Ay de mi Alhama», в котором ясно проявилась эта защитная реакция. Король Боабдиль получает известие о падении Альгамы. Он хорошо знает, что это означает конец его царствования. Но, не желая этого знать, он относится к Иовойой вести так, словно она его не достигла, словно, отбрасывая ее, может изменить ход событий:

Cartas le fueron venidas,

de que Alhama era granada.

Las cartas ech&